Отрывки одной человѣческой жизни.

I. «СЧАСТЛИВЫЙ».

Мое крестное имя всегда подавало поводъ къ недоумѣніямъ. Еще когда я былъ очень малъ, и мы съ матерью жили въ деревнѣ дѣда съ отцовской стороны, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, оно вызвало ученый диспутъ среди моихъ соотечественниковъ, мѣстныхъ украинскихъ крестьянокъ (въ то время еще крѣпостныхъ).

«Де-ж таки видано, що-б хрещену дитину звали Хвелик?!» *) заявляли наиболѣе критическіе умы.

«Та уже-ж мать довжна знать, какъ звать»,—возражали на «господскомъ» языкѣ дворовые; «а барыня такъ и зоветъ—Феликсъ чи Феличка».

«Не може того бути!»—стояли на своемъ деревенскія.—«Чи-ж слихом слихати, чи-ж видом таке видати—Хвелик?!»...

«Ну, а какъ же по твоему, по умному?».

«Може Валик, то воно ще ніяково!».

«Валик и справди,—бо воно ще мале»...—поддерживали и другія крестьянки.

Такъ я съ тѣхъ поръ и сталъ извѣстенъ въ дѣдовской деревнѣ, какъ «панич Валик».

Впослѣдствіи, за предѣлами села Мойсевки, это исправленное изданіе моего имени затерялось. Но зато меня нерѣдко спрашивали:

— Вы полякъ?

— Нѣтъ. Почему вы это спрашиваете?

— Да какъ же: Феликсъ—католикъ.

— Я крещенъ по православному обряду.

---

*) Для украинскихъ словъ въ этихъ очеркахъ принято правописаніе П. Кулиша.

— Хм.. странно!—говорилъ мой собесѣдникъ; а если не говорилъ, то подчасъ выражалъ на своемъ лицѣ добросовѣстное усиліе проглотить готовое сорваться съ языка замѣчаніе: «и зачѣмъ бы, казалось, человѣку отпираться?!».

То же можетъ случиться и съ моимъ читателемъ. А такъ какъ для пишущаго человѣка нѣтъ ничего печальнѣе недовѣрія читателя, то лучше ужъ я объясню, какъ это случилось, что у меня такое имя.

Мои два старшіе брата и сестра умерли едва родившись. Измученная потерями мать рѣшила, по совѣту какой-то пріятельницы, отдать слѣдующаго ребенка, если таковой будетъ, подъ спеціальное, такъ сказать, покровительство и «дала обѣтъ» назвать его именемъ того святого, или святой, въ день памяти которыхъ дитя родится.

Веселый соборный протопопъ г. Полтавы, гдѣ родители мои тогда жили, отецъ Иванъ, пріятель семьи, часто посѣщавшій ее, зналъ объ этомъ «обѣтѣ». И вотъ, когда до него дошло извѣстіе о моемъ появленіи на свѣтъ, то онъ послалъ матери записочку, въ которой весьма четкимъ почеркомъ сообщались ей два—и только два—угрожавшихъ мнѣ имени: Акакія и Сисоя!

Надо полагать, веселый отецъ Иванъ не былъ увѣренъ, къ какому числу надо отнести мое рожденіе, ибо въ святцахъ имена этихъ святыхъ стоятъ не подъ однимъ и тѣмъ же числомъ, а рядомъ: Сисой подъ 6-мъ, Акакій подъ 7-мъ. Но тѣмъ трагичнѣе явилось бы мое положеніе, если бы мое вступленіе въ міръ опредѣлилось 7-мъ іюля. Въ запискѣ самыя числа упомянуты не были, и потому мать могла предполагать самое худшее. Легко представить себѣ ея огорченіе: одинъ сынъ ей остался, да и тотъ—Акакій!

Вскорѣ, однако, огорченію былъ положенъ конецъ,—все тѣмъ же веселымъ протопопомъ, который явился лично, да не одинъ, а съ «большими» (полными) святцами подмышкой, гдѣ, подъ 6-мъ іюля, среди благозвучнѣйихъ именъ, вродѣ Ермія, Руфа, Рувина, Астерія, стоялъ и святой Филиксъ или Феликсъ, папа римскій, жившій еще до раздѣленія церквей, а потому попавшій и въ православные святые.

— Видите,—говорилъ отецъ Иванъ, поднявъ вверхъ перстъ,—что я вамъ принесъ: с ч а с т ь е принесъ! Феликсъ—с ч а с т л и в ы й! Такъ-то!

Рѣшено было назвать меня Феликсомъ. И дѣйствительно, оглядываясь на свою жизнь въ цѣломъ, могу сказать, что

она оправдываетъ данное мнѣ имя и что тутъ не обошлось безъ спеціальнаго покровительства моего святого патрона.

Въ самомъ дѣлѣ, уже одно то, что я избѣжалъ «Акакія» было большимъ счастьемъ. Затѣмъ въ дѣтствѣ я былъ докторами приговоренъ къ смерти, а въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ почтенъ особымъ вниманіемъ начальства, которое шесть съ лишнимъ лѣтъ держало меня, на казенномъ иждивеніи, въ Петропавловской Академіи, Домѣ Предварительнаго Удушенія и многихъ иныхъ высшихъ политическихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чего командировало въ Сибирь для изученія мѣстной топографіи, что я и выполнялъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ. За все это долгое время я получилъ немало знаковъ отличія безпорочной службы, какъ-то: катарры желудка и кишекъ, глухоту, невралгію, малокровіе, и пр., и пр. Наконецъ, я даже подвергался рукопожатіямъ Гапона и былъ лобызаемъ Азефомъ (въ то время, конечно, когда ихъ симпатичное касательство къ «сферамъ» еще было священною тайною между ними и вершителями государственныхъ судебъ Россіи!). И вотъ, несмотря на все это, я живъ, не покрытъ проказой и все еще нахожусь въ здравомъ умѣ и твердой памяти!!!

Это ли не счастье?!

II. НОВОГРАДЪ-ВОЛЫНСКОЕ ГНѢЗДО.

Самыя раннія мои воспоминанія связаны съ Новоградомъ-Волынскимъ. Тамъ, не помню, на какой улицѣ, стоялъ чистенькій, бѣлый, одноэтажный домъ съ большими, свѣтлыми окнами, дѣлавшими его «веселымъ». И самая жизнь текла въ немъ, въ общемъ, свѣтло и привѣтливо. Не то, чтобы въ этой жизни совсѣмъ не было тѣневыхъ сторонъ. Но тѣ, на чью долю выпало представлять эти тѣневыя стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ ткать канву непретенціознаго экономическаго довольства, на которой вышивались свѣтлые узоры нашей жизни—тѣ жили не въ «большомъ» домѣ, а въ надворныхъ постройкахъ, гдѣ помѣщалась кухня и другія службы. Тамъ обитали: кучеръ Ермола, кухарка, «дѣвка Гапка», и «дѣвчонки Мартошка и Дуняшка» и еще кое-кто—всѣ крѣпостные.

Уже одно это слово говоритъ достаточно о томъ, что не

всѣмъ въ нашемъ новоградъ-волынскомъ гнѣздѣ жилось одинаково привольно и свѣтло. Долженъ, однако, оговориться, что и эта основная и страшная несправедливость тогдашней жизни никогда не принимала у насъ тѣхъ бьющихъ въ глаза жестокихъ формъ, которыя могли бы нарушить или отравить общую мягкую добродушную атмосферу «большого» дома. Никогда я не видалъ и не слыхалъ, чтобы кого-нибудь изъ «людей» посылали въ полицію, или «наказывали» дома, хотя кучеръ Ермола отъ времени до времени напивался пьянъ и лежалъ «безъ заднихъ ногъ», а «дѣвка Гапка» почти не выходила изъ состоянія постоянной беременности, чѣмъ возбуждала въ бабушкѣ Викторіи Ивановнѣ величайшее негодованіе. Случалось, что дѣдушка Матвѣй Михайловичъ кричалъ громовымъ голосомъ на того или иного преступника изъ «людей» и даже замахивался палкой, либо костылемъ; но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что этотъ крикунъ въ жизнь свою никого не ударилъ, то преступникъ, стоя подъ громами, старался объ одномъ: чтобы на его лицѣ не промелькнула какъ-нибудь его полная увѣренность въ своей безопасности. Случалось, что бабушка Викторія Ивановна разражалась противъ Гапки неопредѣленными, но тѣмъ болѣе страшными угрозами по поводу сожженнаго ею дорогого барскаго платка или изорванной въ стиркѣ кофточки. Но тогда мать шопотомъ научала меня «просить» за Гапку. Случалось, что Мартошку или Дуняшку ставили на колѣни. Но тогда я уже безъ всякихъ наущеній шелъ просить за своихъ пріятельницъ. И предстательства мои всегда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ.

Ярко стоятъ предо мною всѣ главныя фигуры нашего новоградъ-волынскаго гнѣзда.

Оффиціально главою семьи считался, конечно, дѣдушка Матвѣй Михайловичъ, но въ дѣйствительности бразды домашняго правленія держала въ своихъ маленькихъ пухлыхъ ручкахъ бабушка Викторія Ивановна, и не только потому, что и городской домъ, и клочекъ земли гдѣ-то подъ Почепомъ, откуда періодически появлялись свиныя туши, окорока, яйца, полотна и нѣкоторыя деньги, были е я (а не его) собственностью, но и вслѣдствіе прирожденныхъ ей дѣловыхъ и правительственныхъ способностей.

Для «представительства» дѣдъ былъ вполнѣ подходящій человѣкъ. Прежде всего, это былъ герой 1812 года. Шестнадцати лѣтъ попалъ онъ въ армію, не знаю ужъ,—волонтеромъ или обязательно, и чуть ли не въ первомъ же сра-

женіи былъ тяжело раненъ въ ногу. Найденный на полѣ битвы безъ чувствъ, онъ былъ принятъ за мертваго и оттащенъ къ трупамъ. Когда санитары ушли, юноша очнулся и увидѣлъ себя среди мертвецовъ. А неподалеку раздавались стоны: тамъ лежали рядами раненые и искалѣченные, ожидавшіе помощи. Дѣдъ понялъ свое положеніе и на рукахъ, съ величайшимъ трудомъ и мученіемъ переползъ отъ мертвыхъ къ живымъ. Ему отняли ногу до самаго паха, дали отставку «съ мундиромъ» и вмѣсто пенсіи—мѣсто почтмейстера, на которомъ онъ провелъ всю свою остальную жизнь.

Хотя и одноногій, ходившій съ помощью костыля и палки, Матвѣй Михайловичъ не производилъ впечатлѣнія инвалида. Напротивъ, это былъ крѣпкій, очень красивый, круглолицый, массивный мужчина съ черными, какъ смоль, волосами и усами надъ бритымъ подбородкомъ. Его веселые каріе глаза смотрѣли на міръ съ довѣріемъ и безстрашіемъ, а потому и съ удовольствіемъ. Его голосъ, сочный, звучный и могучій, внушалъ довѣріе и бодрость, даже когда дѣдъ хотѣлъ устрашить, сердился и ругался. Громоносность его звукового органа доставляла дѣду видимое удовольствіе. Сморкался онъ—точно въ трубу трубилъ, а чихалъ такъ, что стекла въ окнахъ дрожали. И хотя это случалось постоянно (такъ какъ онъ нюхалъ табакъ), но Викторія Ивановна каждый разъ, если присутствовала при этомъ, поднимала ручки къ небу и произносила какъ бы съ ужасомъ: «Госс-спо-ди!!»,—чѣмъ дѣдушка былъ всегда очень доволенъ и весело смѣялся въ отвѣтъ.

Викторія Ивановна была вполнѣ парой Матвѣю Михайловичу, но не въ томъ смыслѣ парой, какъ бываютъ два сапога, сшитыхъ на одну колодку; нѣтъ, она восполняла то, чего не хватало ея мужу. Она также нерѣдко смѣялась, но не какъ одинъ изъ членовъ смѣющейся компаніи, а какъ посторонній наблюдатель, находящій происходящее передъ его глазами забавнымъ. Она была маленькаго роста, кругла, какъ мячикъ, пухла, какъ тѣ, необыкновенно вкусныя сдобныя, булки домашняго печенья, что подавались у насъ къ чаю; и на ея лунообразномъ, гладко причесанномъ личикѣ съ красными прожилками на щекахъ и бѣлоснѣжной оборочкой чепца вокругъ помѣщался сиротливо, пуговкой, крошечный носикъ. Голосъ ея былъ ровенъ, не громокъ и дѣтскаго тэмбра. Но эта внѣшность никого не обманывала, и въ то время, какъ яростный стукъ объ полъ дѣдушкинаго костыля и гро-

мовые раскаты его голоса никого не устрашали и мало обращали на себя вниманія, къ ровнымъ, негромкимъ рѣчамъ бабушки прислушивались, ибо знали, что что она сказала, то такъ и будетъ. У нея была хорошая, добрая улыбка, но маленькіе сѣрые глазки глядѣли на міръ гораздо болѣе критически, чѣмъ каріе глаза дѣда, и ея лицо—улыбалась ли она, или была серьезна,—было неизмѣнно лицомъ человѣка, который всегда знаетъ, чего хочетъ.

Гнѣздо наше было смѣшанное. Матвѣй Михайловичъ, по фамиліи Самоцвѣтъ, былъ украинецъ и православный. Викторія Ивановна—католичка и полька изъ рода Семежиньскихъ. Эта національная и религіозная двойственность, при наличности трогательной взаимной любви и полнаго согласія между главами семьи, создавала особую, нейтральную атмосферу, въ которой тонула обрядовая формалистика и національная рознь, и воспитывалась практически взаимная терпимость и широта чувствъ и взглядовъ. Дѣти ходили безразлично въ православный соборъ и въ католическій костелъ. Русскій и польскій языки существовали рядомъ, на равныхъ, никѣмъ, впрочемъ, никогда не формулированныхъ, правахъ. Эквивалентомъ польскаго языка являлся въ «большомъ» домѣ именно р у с с к і й, а не украинскій. Дѣдъ произносилъ и писалъ свою фамилію «Самоцвѣтъ» (и посторонніе дѣлали, конечно, то же) и никогда не употреблялъ иного языка, кромѣ русскаго, и онъ бы отъ души расхохотался, если бы ему сказали, что есть особая украинская національность, къ которой и онъ принадлежитъ. «Ермола, Гапка, тѣ мужики, что привозили провизію изъ Почепа—особая національность! Ха-ха-ха!!!»... Они были мужики, говорили простонароднымъ языкомъ, но это потому, что они были необразованы, даже безграмотны. Намъ же, образованнымъ людямъ, употреблять между собою этотъ языкъ было бы такъ же смѣшно, какъ носить свитку и обмазанные дегтемъ шаровары на очкурѣ! Такъ думалъ дѣдъ, такъ думала бабка, такъ думали всѣ въ домѣ.

Въ такомъ отношеніи къ той народности, которая населяла территорію, на которой, какъ на фундаментѣ, держалась вся мѣстная жизнь и къ которой принадлежала масса, не было ничего непріязненнаго или хотя бы презрительнаго; просто она казалась несовмѣстимою съ образованностью и культурностью, и потому была предоставлена кухнѣ и деревнѣ.

И все же эта національность, непризнанная и считавшаяся годною быть лишь матеріаломъ для смѣшныхъ анекдотовъ, вторгалась въ нашу умственную жизнь и оставляла въ ней неизгладимые всходы будущихъ чувствъ, понятій и побужденій. Въ царившемъ въ «большомъ» домѣ, какъ русскомъ, такъ и польскомъ, языкѣ то и дѣло прорывались украинизмы. Мое ребячье сердчишко отбивало дробь въ груди, мое воображеніе питалось, первые зачатки моего вкуса формировались не на великорусскихъ и не на польскихъ, а на украинскихъ сказкахъ. Послѣ обѣда, или въ осеннія сумерки, хромая «цётуня Кася» (тетя Катя), младшая сестра Викторіи Ивановны, старая дѣва, такая же круглая и сдержанная, но съ оттѣнкомъ той малозамѣтности, которая вырабатывается сама собою въ бѣдныхъ родственникахъ, ложилась въ своей маленькой комнаткѣ отдохнуть, облегчить натруженную больную ногу и нерѣдко брала меня къ себѣ. Я (въ то время ребенокъ 5-6 лѣтъ) примащивался сбоку на той же мягкой постели, и она начинала шопотомъ разсказывать мнѣ про «Ивася и Оленку», про «Кобилячу голову», и пр., и пр.

Тихо, но непрерывно, какъ едва журчащій ручеекъ, льется разсказъ; сумерки, постепенно переходящія въ темноту, придаютъ ему все болѣе и болѣе таинственности, и когда тетя Кася, подражая грубому голосу вѣдьмы, причитаетъ нараспѣвъ басомъ:

«Ивасику, Тарасику,
«Приплинь, приплинь до бережка!»...

то я невольно вздрагиваю и проникаюсь ненавистью къ вѣдьмѣ, смѣшанною со страхомъ... Затѣмъ вѣдьма идетъ къ ковалю, чтобы онъ выковалъ ей тоненькій голосокъ, такъ какъ толстымъ она не можетъ обмануть Ивасика. Снова раздается:

«Ивасику, Тарасику,
«Приплинь, приплинь до бережка»...

но теперь тетя Катя поетъ эти слова тончайшимъ фальцетомъ, который, пріятно вливаясь въ мою душу своею сладостью, будитъ тамъ жгучее состраданіе къ Ивасику, который сейчасъ попадетъ въ вѣдьминъ мѣшокъ!...

Или, подъ веселую руку, хотя и наряженный въ великорусскую красную рубашечку навыпускъ и плисовые шаровары, я выплясывалъ, однако, отнюдь не подъ великорусскій мотивъ, припѣвая:

«Танцювала риба з ракомъ,
«А петрушка з пастернаком,
«А цибуля дивувала,
«Що петрушка танцювала!».

Польскій элементъ имѣлъ въ нашей семьѣ, кромѣ старшаго женскаго поколѣнія, очень живописнаго представителя въ лицѣ «дзядуня» Семежиньскаго, моего прадѣда. Это былъ худощавый, безшумный, скромный старикъ, бѣлый, какъ лунь, съ бѣлыми, какъ молоко, усами и всегда тщательно выбритымъ подбородкомъ. Глаза его, осѣненные густыми бровями, были полны тихаго, добраго свѣта и глядѣли сдержанно, но съ достоинствомъ. По старопольской модѣ онъ подбривалъ лобъ и затылокъ, оставляя густую шапку серебряныхъ волосъ ложиться ровно съ макушки, «казанкомъ». Онъ ходилъ всегда въ старенькомъ, но чистомъ кунтушѣ неопредѣленнаго цвѣта, откидные рукава котораго позволяли видѣть столь же скромный жупанъ. Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, о Пасхѣ, неопредѣленный кунтушъ замѣнялся болѣе новымъ, коричневаго цвѣта, при серебряномъ поясѣ. Хотя прадѣду было подъ 80, а можетъ быть, и за 80 лѣтъ, онъ имѣлъ полный комплектъ превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ, которыми прекрасно щелкалъ орѣхи, слухъ его былъ вполнѣ исправенъ, и читалъ онъ свою польскую газету безъ очковъ. Отъ времени до времени къ нему заѣзжали и заходили его соотечественники-сверстники: панъ Либорый, панъ Кунцевичъ—такіе же сѣдые, такіе же важные, такіе же живописные въ своихъ кунтушахъ, какъ и онъ, и когда они сидѣли вдвоемъ въ уголкѣ гостиной и тихо въ полголоса разговаривали,—казалось, что сидятъ въ клѣткѣ два старыхъ орла, которымъ чужды окружающія ихъ проволочныя стѣны, но изъ которыхъ они уже не въ состояніи вылетѣть... И вотъ они сидятъ неподвижно, изрѣдка озираясь своими все еще орлиными глазами да перебираютъ клювомъ свои перья...

Матвѣй Михайловичъ, поддаваясь своему темпераменту, иногда не безъ юмора, хотя вполнѣ незлобиво, подшучивалъ надъ этими живыми обломками старины, притомъ—совершенно ему и во всѣхъ отношеніяхъ чуждой.

— А я, знаете,—говорилъ онъ, напримѣръ, за чайнымъ столомъ,—подслушалъ сегодня разговоръ дзядуня съ паномъ Либоріемъ...

Прадѣдъ при этомъ нахмуривалъ свои нависшія брови и подозрительно взглядывалъ на дѣда.

— ...Подхожу это я къ гостиной, а дзядуня наклонился къ Либорію и говоритъ,—дѣдъ понижалъ голосъ до громкаго шопота и принималъ таинственно-конспиративный видъ:— «Чы ви, панъ Либорый, же Косцюшко жые?!». («Знаете ли вы, панъ Либорій, что Костюшко живъ?!».).—«Але не може быць»,—отвѣчаетъ Либорій.—« Але-жъ жые! повядамъ пану, же жые!» («Но говорю же вамъ, что онъ живъ»!)... А тутъ я какъ разъ и вхожу. А дзядуня сейчасъ,—Матвѣй Михайловичъ, представляя дѣда, вдругъ принимаетъ притворно-невинный видъ и возвышаетъ голосъ, какъ человѣкъ, желающій показать, что ему нечего скрывать:—а дзядуня сейчасъ: «А почему панъ Либорый жыто спшедавалъ?»...

— И то вшистко глупства!—говоритъ прадѣдъ съ сердитымъ неудовольствіемъ.—Юлю, подай ми смѣтанке»...

Но Матвѣй Михайловичъ очень доволенъ своею выдумкой и громко хохочетъ.

Молодое поколѣніе Самоцвѣтовъ состояло въ описываемое время изъ одной замужней и двухъ незамужнихъ дочерей, двухъ холостыхъ сыновей и внука (меня). Всѣ дочери жили со стариками. Дядя Феофилъ, служившій офицеромъ,—кажется, въ гвардіи,—и занимавшійся въ одной изъ военныхъ академій, жилъ въ Петербургѣ. Дядя Иванъ, пошедшій «по гражданской части», жилъ въ Новоградъ-Волынскѣ, но на отдѣльной квартирѣ. Кромѣ того, въ домѣ почти безвыходно «толклась» довольно некрасивая, смѣшливая, шумливая дочь сѣдого и глухого, какъ пень, помощника почтмейстера. Будучи сверстницей моихъ тетокъ и очень бойкой, веселой особой, она была «своимъ человѣкомъ» въ нашей семьѣ, принимала участіе въ проказахъ барышенъ, сама подвергалась этимъ проказамъ (ей подкладывали въ постель холодный, очищенный картофель, помѣщали подъ простыню головную щетку, которая колола, по ускользала на своей полированной спинкѣ отъ поимки и т. п.), и часто бренчала на фортепьяно, распѣвая въ пику военнымъ представителямъ господствующей государственности:

Задѣть мою амбицію
Я не позволю вамъ,
Я жалобу въ полицію
На васъ, сударь, подамъ!—

Чтобъ дерзкими манерами
Не смѣли обижать,
И нами, офицерами,
Какъ пѣшками, играть!

Такое ироническое отношеніе къ офицерству было однимъ изъ безобидныхъ исходовъ оскорбленнаго польскаго національнаго чувства. Чувство это не имѣло въ нашемъ домѣ никакого яркаго и постояннаго выраженія, но все же оно притаилось гдѣ-то въ далекихъ, укромныхъ мѣстечкахъ сердецъ и было не чуждо даже моей матери и теткамъ. Тѣмъ не менѣе русское офицерство постоянно наводняло наше гнѣздо. Въ городѣ были расквартированы разныя части войскъ—пѣхотныя и артиллерійскія, отъ времени до времени смѣнявшіяся новыми, и холостые прапорщики, подпоручики, поручики,—вплоть до вдовыхъ капитановъ и подполковниковъ,—охотно посѣщали семью, гдѣ всегда былъ для нихъ открытъ радушный столъ, гдѣ можно было запросто поплясать съ барышнями подъ звуки во всякое время готоваго къ услугамъ фортепьяно, и поболтать, а иногда и «срѣзаться въ картишки» съ привѣтливыми хозяевами.

Эта старосвѣтская привѣтливость, сытая и вкусная, проявлялась съ особою широтой, блескомъ и разнообразіемъ въ торжественныхъ случаяхъ, изъ которыхъ едва ли не самымъ яркимъ была Пасха. Еще задолго до праздниковъ домъ приходилъ въ лихорадочное состояніе. Осматривались и выбирались пришедшія изъ Почепа окорока, дѣлались на кухнѣ разнообразныя колбасы и сальцесоны, сажался на удвоенную и утонченную діэту поросенокъ, имѣвшій отдать душу пасхальному гастрономическому богу; вытаскивались изъ хранилищъ старые испытанные рецепты «бабъ» (папошниковъ), «мазурковъ» (родъ сладкихъ печеній), куличей, и пріобрѣтались новые; приготовлялись формы для папошниковъ въ видѣ сшитыхъ нитками бумажныхъ цилиндровъ, для чего иногда привлекался къ отвѣтственности архивъ почтовой конторы. Дамы и барышни «большого» дома постоянно собирались на совѣщанія, въ которыхъ я неизмѣнно игралъ роль пятаго колеса, стараясь пролѣзть въ самую гущу ареопага, проникнуть въ сущность дебатовъ и предвкусить сладость рѣшенія имѣть предстоящую пасху столько-то такихъ-то печеныхъ chef d'oeuvre'овъ и превзойти исправницу Репешко въ домашнихъ наливкахъ. Лично я въ наливкахъ

нисколько не былъ заинтересованъ, такъ какъ, по молодости моихъ лѣтъ, мнѣ ихъ не давали (развѣ, въ кои-то вѣки, одну каплю на кончикъ высунутаго языка въ видѣ особаго благоволенія!). Тѣмъ не менѣе перспектива успѣшнаго соперничества съ исправничихой въ этой области приводила меня въ восторгъ, и я праздновалъ принятіе соотвѣтственнаго рѣшенія немедленнымъ исполненіемъ «танца молодого ирокеза» (собственнаго сочиненія). Оно и немудрено. Исправница была, правда, притчей во языцѣхъ въ уѣздномъ обществѣ. Она употребляла духи такой крѣпости и консистенціи, что отъ нихъ конь могъ бы чихнуть. Она говорила: «donnez moi le stakan» и «passez moi le limon», а однажды, на балу, обезпокоенная слишкомъ громкимъ за ея спиной разговоромъ, обратилась къ своему кавалеру съ томной жалобой: «Quel bruit dans mon derrière!»,—на что тотъ совершенно не нашелся, что отвѣтить... О ней ходила масса анекдотовъ, которые я,—хотя и живу во времена г.г. Арцыбашева, Вед. Сологуба и Ан. Кузьмина,—стѣсняюсь, однако, привести въ печати. Но тѣмъ самымъ она была, все же, одной изъ самыхъ видныхъ фигуръ въ уѣздѣ, ея наливки и настойки знали «всѣ», и превзойти ее въ послѣднемъ отношеніи значило одержать немалую побѣду.

Чѣмъ ближе къ празднику, тѣмъ болѣе шелъ въ домѣ дымъ коромысломъ. Толклись и просѣивались на всевозможныя сита: сахаръ, корица, кардамонъ, мушкатный орѣхъ, настаивался на спиртѣ шафранъ, промывалось въ десяти водахъ свѣжее масло, крошился сладкій и горькій миндаль, и т. д., и т. д. Затѣмъ шло самое изготовленіе печеній и «бабъ»: «ржаная баба», «тюлевая баба», «Франпна баба», и пр., и пр., и пр.! Тѣсто иныхъ изъ этихъ нѣжныхъ и изнѣженныхъ «бабъ» требовало взбиванія здоровой деревянной ложкой, либо лопаткой немногимъ поменьше тогдашняго моего роста, въ теченіе 3, 4, 5-ти часовъ непрерывно. Ермолу заставляли мыть руки и «бить», пока съ него не покатится потъ градомъ. Въ помощь своей прислугѣ принанималась «хорошая женщина» со стороны. Но такъ какъ и при всемъ томъ не хватало человѣческихъ силъ «бить» непрерывно въ теченіе нужнаго времени, а прервать «битье» хоть на пять минутъ значило чуть не погубить весь міръ, то всѣми овладѣвала лихорадка съ примѣсью праздничнаго возбужденія: и на кухнѣ, и въ домѣ постоянно слышались прерывистые голоса: «дай, теперь я немножко побью!»... «Теперь ты, Вивдя,—ты уже отдохнула!», и т. д. Разговоры за обѣденнымъ и чайнымъ сто-

ломъ то и дѣло сводились на трудности, опасенія и надежды, связанныя съ «бабами», «мазурками» и куличами. Кавалеры изъ числа хорошихъ знакомыхъ, дядя Иванъ, если они заходили, брались дѣвицами нерѣдко въ плѣнъ, повязывались салфетками и тоже «били». Но самое тревожное время наставало, когда тѣсто «всходило», а затѣмъ «сидѣло въ печи». Дамы и дѣвицы не доѣдали, не досыпали и находились въ постоянныхъ переходахъ отъ страха къ надеждѣ и отъ упованій къ новымъ страхамъ...

— Смотри-жъ, Параню, гляди за тѣстомъ,—говорила которая-нибудь изъ барышенъ, или моя мать, ставя «макітру» для всхода на печь; я прошлую ночь совсѣмъ мало спала; пойду прилягу; ты, какъ только станетъ тѣсто репаться, разбуди меня! Слышишь? Непремѣнно разбуди!».

— Отто! Хиба-жъ я не знаю, чи што?! А вже-жъ разбудю!».

— Да, непремѣнно разбуди!

Затѣмъ, когда «бабы» были уже въ печи, случалось, что въ домъ, иногда въ то время, когда всѣ сидѣли за столомъ, вбѣгала кухарка съ совершенно оторопѣлымъ лицомъ и трагически вскрикивала: «Похилилась! Ей-же Богу, похилилась! На-бік... Так и хилиться!»...

Барышни выскакивали изъ-за стола съ крикомъ: «Которая? Которая?».

«Да шафранная, барышня. Такъ хороше росла, такъ росла... коли дивлюсь, ажъ и похилилась!».

Викторія Ивановна старалась сохранить хладнокровіе и порядокъ. Она прикрикивала на недисциплинированную молодежь, но и на ея лицѣ написаны были сдержанная тревога и напряженное ожиданіе. Ворча, она уплывала уточкой вслѣдъ за убѣгавшими стремглавъ молодыми.

«Ну, раскудахтались наши куры»!—говорилъ дѣдъ и махалъ рукой.—«Дай-ка мнѣ еще чайку, Кася!».

Иногда затрудненія происходили отъ того, что дѣйствительность превосходила самыя радужныя ожиданія. Иная «баба» выростала въ печи до самаго печного свода и возникалъ вопросъ, какъ ее, голубушку, вынуть, не погнувъ, не сломавъ ея нѣжнаго, какъ пухъ, стройнаго тѣла. Передъ печью собирался цѣлый ареопагъ; возбужденные голоса перебивали другъ друга; иногда они разнообразились почтительнымъ замѣчаніемъ того или иного изъ домочадцевъ и, наконецъ, всѣ приходили къ заключенію, что нѣтъ иного вы-

хода, какъ выломать чело печи. Ермола принимался за дѣло: осторожно расшатывалъ онъ верхніе кирпичи печного устья, вытаскивалъ ихъ, искрошенная глина тщательно выметалась, превзошедшая себя самое «баба», съ помощью кочерги и ухватовъ, со всевозможными предосторожностями вынималась и клалась бокомъ на подушку, а чело опять задѣлывалось.

Но вотъ, наконецъ и канунъ праздника. Къ ночи всѣ каторжные труды окончены, тревоги улеглись, и ихъ мѣсто заняло чувство удовлетворенія и тихой радости, смѣшанной съ торжественностью. Во всю внѣшнюю стѣну помѣстительной столовой, подъ ея большимъ двойнымъ окномъ, протянулся пасхальный столъ въ добрыхъ полтора аршина ширины, и болѣе сажени длины. Онъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью, а на немъ... Боже мой, чего только на немъ не было!...

По самой серединѣ, стоймя, прислоненный къ стѣнѣ (вотъ, какъ ставятъ картины) помѣщался «пляцекъ»—четырехугольное сдобное печенье въ руку толщиною, около аршина длины и соотвѣтственной ширины. На немъ при помощи нарѣзаннаго продолговатыми стружками бѣлаго миндаля, была очень искусно изображена фигурная корзинка, а изъ нея, въ видѣ правильнаго полукруга, простирались изюмные, миндальные, мармеладные и иные, восхитительные въ своей съѣдобности, цвѣты. Къ пляцку справа и слѣва тѣснились, словно нѣжныя и стройныя одалиски къ своему султану, съ полдюжины «бабъ» разнаго сорта и консистенціи (еще нѣсколько имѣлось въ резервѣ—въ кладовой!).. Верхи ихъ были покрыты бѣлою или розовою сахарною глазурью съ инкрустаціями изъ вареныхъ въ сахарѣ фруктовъ и изящнѣйшими (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ т о г д а казалось!) разводами изъ разноцвѣтнаго сахарнаго «мака». Громадный окорокъ съ роскошной бумажной оборочкой и съ отвороченной наполовину толстой коричневой кожей, пришпиленной двумя чистенькими деревянными шпильками, открывалъ свое нѣжнорозовое мясо и бѣлоснѣжное сало и словно давалъ понять, что будетъ очень радъ, если хорошій человѣкъ его отвѣдаетъ. Откормленный на молокѣ жареный поросенокъ, державшій въ оскаленныхъ зубахъ кусокъ расщепленнаго на концахъ хрѣна, въ видѣ кисточекъ, казалось, весело смѣялся, прищуривъ глаза. Изъ сливочнаго масла былъ сдѣланъ барашекъ, весь въ кудряшкахъ, державшій «на плечо!» красную хоругвь съ золотымъ на ней крестомъ.

Яйца—красныя, розовыя, желтыя, чернофіолетовыя, «мраморныя», украинскія «писанки»—веселили сердце своимъ пестрымъ платьемъ. Индѣйка и гусь соперничали между собою не только бѣлизною своего мяса, но и такимъ фаршемъ, который всегда заставлялъ мѣстнаго судью говорить: «Въ вашемъ домѣ, Викторія Ивановна, всегда отдыхаешь душою!». Двѣ сырныхъ пасхи—одна соленая, другая сладкая—составляли гордость хозяевъ, но сущее наказаніе для гостей со вкусомъ, ибо, попробовавши одну, хотѣлось отвѣдать и другой, а ознакомившись со второю, тянуло обратно къ первой, и такъ безъ конца...

Но я чувствую, что долженъ остановиться. Ибо гдѣ же описать всѣ эти колбасы—и съ чеснокомъ, и безъ него, и кровяныя, и ливерныя, и копченыя, и вареныя—лежавшія то граціозными колечками, то прямо и солидно,—поражавшіе серьезностью размѣровъ и содержанія сальцесоны, всѣ таявшія во рту мазурки, и множество другихъ превосходныхъ вещей, которыя боюсь даже назвать, ибо, если описывать этотъ «столъ», какъ онъ того заслуживаетъ, «то и всему міру не вмѣстити пишемыхъ книгъ!». Замѣтьте, я не упомянулъ вовсе о баттареѣ бутылокъ, окруженныхъ свѣтлымъ роемъ чистенькихъ, искрящихся рюмокъ!.. А въ этихъ бутылкахъ... Да нѣтъ, нечего и думать! Вѣдь это была цѣлая поэма—этотъ пасхальный столъ! Но поэма, созданная не для слова, а для совсѣмъ иной отрасли человѣческой дѣятельности. Правда, симфонія, разыгравшаяся на этомъ столѣ, имѣла не одно кулинарное значеніе: изъ нѣжной ткани «бабъ», изъ приготовленной съ такимъ трудомъ и стараніемъ начинки, изъ каждаго кусочка сала и мяса, стоявшаго на столѣ, истекали широкой волной радушіе и доброжелательство, и мягко, свѣтло, ласкающе охватывали и окутывали каждаго посѣтителя. Но все же, чтобы вполнѣ, какъ слѣдуетъ, всѣмъ существомъ испытать и ощутить это радушіе, надо было подойти къ столу, взять чистую тарелку, ножикъ и вилку, отрѣзать здѣсь, отковырнуть тамъ, принять любезно подкладываемое одной изъ хозяекъ, все это прожевать и запить... Развѣ есть возможность все замѣнить описаніемъ?! Нѣтъ, лучше ужъ я просто поставлю здѣсь точку и проведу черту.

Феликсъ Волховской.

Отрывки одной человѣческой жизни.[1])

ИЗРАИЛЬ.

Рядомъ съ «большимъ домомъ», но отдѣленный отъ него воротами и калиткой, ведшими съ улицы во дворъ, стоялъ флигель, который отдавался въ наемъ подъ почтовую контору. Тамъ пахло крѣпко казеннымъ сургучемъ, шуршали вороха бумаги отъ вскрытыхъ постъ-пакетовъ, раздавался громовой голосъ дѣда Матвѣя Михайловича и маячила длинная, сухая, сѣдая, плохо выбритая и вытертая до послѣдней возможности не только по всѣмъ швамъ, но и по всѣмъ прочимъ мѣстамъ фигура глухого его помощника, человѣка угрюмаго и молчаливаго, а если и говорившаго, то такимъ замогильнымъ голосомъ, что казалось, будто говоритъ кто-то совсѣмъ посторонній, залѣзшій въ этого мрачнаго человѣка и притаившійся тамъ.

Самыми дѣятельными корреспондентами въ Новоградѣ-Волынскомъ являлись въ то время евреи, какъ по преимуществу торговые, отцелюбивые и чадолюбивые люди. Поэтому длиннополый «лапсердакъ» и «пейсы» — въ тѣ времена такая же обязательная форма еврейства, какъ вицмундиръ — форма чиновничества — непремѣнно имѣли въ конторѣ, по крайней мѣрѣ, одного своего представителя въ каждый данный моментъ присутственнаго времени. И все-таки этого времени оказывалось мало. Иногда нетерпящіе отлагательства платежи или семейныя дѣла требовали полученія, либо отправки писемъ и денегъ не въ урочное время, даже въ воскресенье. Тогда въ полутемной передней «большого дома» появлялась еще болѣе темная длиннополая фигура въ ермолкѣ, а то и двѣ, шопотомъ освѣдомлялась: «Чи

[1]) См. Современникъ, 1911, апрѣль.

можно видѣть господинъ почмейстеръ?», терпѣливо ожидала, если «нельзя»; а если «можно», то дверь въ залъ пріотворялась, въ нее просовывалась характерная голова, кивала, и сладкій голосъ, точно смазанный прозрачнымъ медомъ, говорилъ:

«Здравствуйте вамъ, господинъ почмейстеръ!»

Отвѣтъ на это привѣтствіе бывалъ весьма различенъ. Если Матвѣй Михайловичъ хорошо выспался, ампутированная нога не ныла, и онъ поѣлъ съ аппетитомъ, то все обходилось мирно. Въ противномъ случаѣ, медовое обращеніе вызывало окрикъ:

«Опять по мою душу?! Никогда отъ васъ покою нѣтъ! Я не обязанъ по воскресеньямъ выдавать. Не дамъ, вотъ и все!».

Еврей, какъ привидѣніе, весь безъ остатка исчезалъ, а дѣда начиналъ точить червякъ недовольства самимъ собою,— сознаніе, что ни за что накричалъ на человѣка. Время шло, червякъ точилъ, бездѣлье раздражало... Наконецъ, не въ силахъ будучи сидѣть смирно, Матвѣй Михайловичъ хватался за табакерку и, для того, чтобы хоть мѣсто перемѣнить, приходилъ къ заключенію, что табаку въ ней мало, надо наполнить. Онъ вставалъ и направлялся за табакомъ въ спальню, ходъ въ которую лежалъ черезъ переднюю. Едва онъ вступалъ въ нее, стуча костылемъ и палкой, какъ темная фигура въ самомъ темномъ углу отвѣшивала почтительный, молчаливый поклонъ.

«Ты все еще тутъ, Берко?» — спрашивалъ дѣдъ съ притворнымъ удивленіемъ.

Берко еще разъ безмолвно кланялся и пожималъ плечами съ видомъ человѣка, который самъ необычайно удивленъ тѣмъ, что онъ все еще здѣсь.

«Иди, я выдамъ деньги; все равно мнѣ самому нужно въ контору»,—говорилъ Матвѣй Михайловичъ, внезапно создавая для себя самого дотолѣ несуществовавшее дѣло.

Эти маленькія одолженія цѣнились евреями тѣмъ болѣе, что Матвѣй Михайловичъ никакихъ «подарковъ» не принималъ. Доходы съ небольшой собственности Викторіи Ивановны давали ему возможность не насиловать своей природной брезгливости ко всякимъ «побочнымъ доходамъ». Поэтому почтовыя лошади могли быть вполнѣ спокойны за свои гривы и хвосты, хотя цѣны на конскій волосъ стояли въ Новоградѣ-Волынскѣ хорошія, а просители не смѣли и подумать о томъ, чтобы предложить «благодарность».

Не имѣя возможности ничѣмъ проявить свою признательность по отношенію къ дѣду, еврейство, имѣвшее дѣло съ

почтовой конторой, перенесло свои добрыя чувства на внука. Я съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ любой еврей, ждалъ празднованія великаго, древняго національнаго торжества еврейской національности въ лицѣ Эсфири надъ злымъ Аманомъ при дворѣ персидскаго царя, такъ какъ по этому случаю евреи дѣлали сласти, извѣстныя подъ именемъ «Гаманова уха». Въ «большомъ домѣ» тогда появлялись старыя и молодыя еврейки, иногда съ прелестными лицами, но всегда обезображенныя накладками изъ черной матеріи въ видѣ парика на бритой головѣ и всегда сіяющія доброжелательными улыбками и любящими взглядами. Меня приводили въ переднюю, или посѣтительницъ приглашали въ залъ. и онѣ радостно подносили мнѣ «Гамановы ухи», возбуждая безграничный восторгъ въ моемъ шестилѣтнемъ сердцѣ.

Этимъ знаки вниманія, однако, не ограничивались. Меня также приглашали на свадьбы и иныя еврейскія торжества, и я чувствовалъ себя на нихъ общимъ любимцемъ и баловнемъ. Взрослыя еврейскія дѣвушки танцовали со мною «польку» и «вальсъ» при шумномъ и задушевномъ сочувствіи зрителей. Я не знаю расы, не знаю народа, которые способны были бы до такой степени проникаться чужимъ веселъемъ, какъ евреи, и хотя съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 60 лѣтъ, но сцены этого веселья стоятъ предо мною, точно были вчера...

И вотъ теперь, когда, черезъ много-много лѣтъ, встаютъ въ моемъ воображеніи эти картины истинной доброты къ чужому, иноплеменному и иновѣрному ребенку, черты искренней признательности къ старому, крикливому, но доброму почтмейстеру, эти проявленія захватывающаго веселья, — протискивается и назойливо бередитъ мою память и нѣчто иное... Этого «иного» я былъ свидѣтелемъ много лѣтъ спустя, уже взрослымъ человѣкомъ, въ Одессѣ.

Какъ всегда въ тѣ времена, «это» началось въ пасхальную ночь, у греческой церкви. Собравшіеся къ заутренѣ греки, среди которыхъ въ тотъ годъ особенно большую дозу составляли матросы съ греческихъ судовъ, по провозглашеніи Воскресенія Христова, стали на радостяхъ стрѣлять изъ ружей и, постепенно накаляясь «христіанской ревностью», начали проявлять враждебность къ «врагамъ Христовымъ» — евреямъ. Говорили потомъ, что не обошлось безъ подстрекательства со стороны грековъ-коммерсантовъ, которымъ торговое и торгашеское соперничество евреевъ всегда было бѣльмомъ на глазу. Какъ бы то ни было, но буйная толпа двинулась на еврейскій кварталъ, увеличиваясь по пути другими національностями. Скоро греки и итальянцы совершен-

но растворились въ россійскихъ толпахъ, и погромъ охватилъ большую часть города.

Обыкновенно авангардъ составляли мальчишки и подростки, которые шныряли, перебѣгали туда и сюда, кричали, дразнили евреевъ, показывали имъ «свиное ухо», импровизированное изъ кончика полы кафтана, и метали каменья. За ними, на нѣкоторомъ разстояніи шли главныя боевыя силы, по преимуществу артели пришлыхъ великоруссовъ: каменщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ и т. д. Эти принимались за разрушеніе и избіеніе съ увлеченіемъ, но сравнительно скоро остывали и шли дальше на новые подвиги. Арьергардъ образовывали украинцы. Ихъ поступь была тяжелѣе, движенія медленнѣе, лица—серьезнѣе, сосредоточеннѣе. Они доводили разгромъ до конца. Полуразрушенныя, покрившіяся подъ ударами великоруссовъ базарныя еврейскія лавчонки они растаскивали по бревну, расщепляли каблуками самыя бревна; они врывались въ дома, гдѣ ихъ предшественниками-великороссами были выбиты стекла, вытаскивали оттуда еврейское добро. Въ то время, какъ подростки выпускали изъ перинъ и подушекъ пухъ и перья, поднимавшіеся вверхъ тучею, взрослые ломали мебель, били посуду, нещадно колотил еще не обратившихся въ бѣгство евреевъ.

Выхожу на какую-то площадь. Уже второй день погрома. У домовъ лежатъ всевозможные обломки, черепки, изодранное платье, ситцевые клочья, разсыпанные и разбросанные съѣстные припасы... Мѣстами земля имѣетъ странный, сѣроватый, пушистый видъ: ее покрываетъ слой выпущенныхъ перьевъ и пуха. Площадь почти пуста, но въ одномъ ея углу идетъ осада: рѣдкая стая мальчишекъ и подростковъ бомбардируетъ камнями еврейскій домъ. Рядомъ, въ окнахъ выставлены иконы; этихъ квартиръ не трогаютъ.

Передъ домомъ стоитъ въ одномъ бѣльѣ длинный, тощій еврей. Онъ блѣденъ, какъ смерть; волосы на головѣ слиплись отъ холоднаго пота. Въ рукѣ у него ножка отъ сломаннаго стула, которою онъ безпомощно и безсмысленно размахиваетъ. Онъ защищаетъ жену и ребятишекъ, спрятавшихся въ домѣ, забившихся подъ кровати и въ погреба...

Мальчишки насѣдаютъ. Вотъ два камня попали въ осажденнаго; по его посѣрѣвшему лицу пробѣжала судорога. Онъ продолжаетъ размахивать своимъ обломкомъ, широко разставивъ сухія ноги, мечется туда и сюда передъ входомъ въ домъ, но никого не задѣваетъ: разстояніе между нимъ и осаждающими не менѣе десятка шаговъ. Изъ-за угла показываются два дюжихъ парня,—повидимому, ссыпщики хлѣба, таскающіе на плечахъ четырехпудовые мѣшки. Ихъ крас-

ные глаза, очевидно, налиты водкой. Они бѣгутъ, опережаютъ мальчишекъ... Черный подскакиваетъ первымъ, и его страшный кулакъ съ навѣса опускается на голову еврея. Еврей падаетъ... Мальчишки, какъ назойливый рой мухъ на мокрый кусокъ сахара, налетаютъ — дергаютъ, топчутъ, бьютъ...

И еще одна сцена возникаетъ въ моей памяти—еще болѣе поздняя.

Я ѣхалъ съ товарищемъ по лондонской подземкѣ. Кромѣ насъ былъ въ вагонномъ купэ только одинъ пассажиръ—довольно грязный, волосатый, обшмыганный, пожилой человѣкъ съ сильной просѣдью. Мы не обратили на него вниманія, продолжая говорить между собою по-русски. Вдругъ онъ повернулся къ намъ, и заговорилъ—тоже на русскомъ, хотя и ломанномъ языкѣ. По его рѣчи—да и по типу, когда мы внимательно вглядѣлись въ него—онъ былъ, несомнѣнно, еврей.

«Вы русскіе?»—сказалъ онъ съ привѣтливой, почти радостной улыбкой.

— Да. А вы?

«Я тоже изъ Россіи. Я—николаевскій солдатъ».

— Боже ты мой! «Николаевскій солдатъ»! Передъ нами сидѣлъ представитель этого не занесеннаго ни въ какіе святцы великомученика—николаевскаго солдата, да еще еврея! Что онъ долженъ былъ вытерпѣть! Сколько горечи должно было накопиться въ его избитомъ, измученномъ тѣлѣ и его хронически оскорбляемой душѣ! Какая ненависть, должно быть, взрощена въ сердцѣ этого «недобитка» къ мачихѣ-странѣ, въ которой онъ имѣлъ несчастье родиться?!

Я посмотрѣлъ на нашего собесѣдника съ удвоеннымъ любопытствомъ.

«И давно вы тутъ?»—спросилъ мой товарищъ.

«Да уже лѣтъ пятнадцать будетъ».

«Что же, гдѣ вамъ кажется лучше: здѣсь, или въ Россіи?»

Онъ подумалъ, глядя въ сторону.

«Вотъ, сейчасъ я услышу проклятія моему народу», — пронеслось жуткой молніей въ моемъ мозгу.

«Видите», — отвѣтилъ нашъ собесѣдникъ съ разстановкой,—«здѣсь-то хорошо, что никому до тебя дѣла нѣтъ. Если ты живешь честно и смирно, то и тебя никто не трогаетъ. А у насъ каждому квартальному до тебя дѣло. Покою нѣтъ... Ну, а народъ у насъ лучше. Народъ добрѣе. Вотъ, если бы нашему народу да здѣшніе порядки—вотъ бы хорошо было. И жить бы тогда у насъ лучше было, чѣмъ здѣсь».

Но я забѣжалъ впередъ. Пора мнѣ возвратиться къ моему дѣтству.

А возвращаясь къ дѣтству, я долженъ сказать, что отъ всей души благодаренъ судьбѣ. Я благодаренъ ей за то, что она поставила меня лицомъ къ лицу съ еврействомъ на почвѣ добрыхъ взаимныхъ чувствъ, ввела меня до извѣстной степени въ ихъ радости, въ ихъ веселье. Это дало мнѣ возможность понять и оцѣнить людей, во многомъ на насъ непохожихъ. То, что для многихъ остается въ евреяхъ во всю жизнь скрытымъ за семью печатями—ихъ заботы о бѣдныхъ, ихъ любовь къ дѣтямъ, ихъ страстная отзывчивость—было для меня открыто, и много, много свѣтлыхъ впечатлѣній, преданной дружбы, радостей жизни было мнѣ этимъ обезпечено впослѣдствіи.

ПАУЧЬЕ ЦАРСТВО.

Если бы вамъ пришлось ѣхать въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ пирятинскомъ уѣздѣ по извѣстной проселочной дорогѣ, то вы непремѣнно встрѣтили бы водруженный въ сторонкѣ шестъ, а на немъ дощечку съ надписью:

Село Мойсевко.
Душъ 308.
Дворовъ 120.

Далѣе передъ вами открылась бы усадьба, а напротивъ ея, черезъ дорогу, на нѣкоторомъ разстояніи, церковь, на которую проѣзжій невольно заглядывался—такъ она была хороша и оригинальна. Вся состоявшая изъ выступовъ, преимущественно круглыхъ, прикрытыхъ множествомъ куполовъ и полукуполовъ въ видѣ половинокъ и четвертей апельсина, нагроможденныхъ другъ на друга, среди которыхъ еще возвышались высокіе усѣченные шпили съ прикрѣпленными вдоль ихъ тутъ и тамъ серебряными яблоками, церковь напоминала тѣсно сжавшуюся семью грибовъ различнаго роста, среди которыхъ выстрѣливали вверхъ былинки и травяные колоски. Ослѣпительно бѣлыя стѣны въ ясную украинскую погоду, серебряные шпили съ яблоками и темно-зеленый цвѣтъ крышъ гармонировали со стоявшими вокругъ, словно часовые насторожѣ, осокорями и безбрежными полями, и вся картина производила привѣтливое и мирное впечатлѣніе.

Не то—усадьба. Громоздкій, громадный каменный домъ, состоявшій изъ трехъ двухъэтажныхъ корпусовъ, соединенныхъ между собою двумя одноэтажными звеньями и фланкированными круглыми башенками подъ остроконечной крышей, подавлялъ размѣрами и не привлекалъ изяществомъ. Въ немъ было 36 комнатъ, при чемъ средній корпусъ представлялъ цѣликомъ одинъ залъ, въ два свѣта, съ хорами для оркестра. За домомъ лежалъ огромный фруктовый и декоративный садъ, съ превосходными двумя прудами, а по ту сторону прудовъ—паркъ.

Когда-то здѣсь кипѣла пестрая, махровая, разсыпавшая блестки жизнь. На хорахъ гремѣлъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ. Въ тридцати шести комнатахъ двигались толпы разряженныхъ гостей, а между ними — сморщенная, но подвижная, какъ ртуть, любившая свѣтъ, шумъ и веселье одинокая владѣлица имѣнія — Татьяна Густавовна Волховская, урожденная де-Бальманъ. На стѣнахъ висѣли дорогія картины; саженныя зеркала отражали пріѣзжихъ за нѣсколько десятковъ верстъ красавицъ и вертопраховъ. Оранжереи поставляли персики, гигантскія сливы, ананасы, всякую раннюю зелень и, по желанію, превращали пріемныя комнаты въ тропическій зимній садъ. Въ тѣнистыхъ, прохладно-томныхъ аллеяхъ сада и парка, среди столѣтнихъ шелковистыхъ каштановъ, морелей [1]), дубовъ, липъ, кустовъ душистой сирени и бузины, стояли каменные нимфы и сатиры, и раздавался шопотъ влюбленныхъ паръ.

Но Татьяна Густавовна умерла. Ея ближайшіе родственники, не имѣвшіе правъ на имѣніе, на легендарномъ количествѣ подводъ вывезли изъ сада и дома все, что стоило вывезти: лучшую мебель, посуду, картины, зеркала, статуи, едва ли даже не выкопали наиболѣе цѣнныя растенія; а Мойсевка перешла къ чуждому умершей помѣщицѣ, дальнему родственнику по мужу, Петру Григорьевичу Волховскому, моему дѣду по отцу. Въ тридцати шести комнатахъ поселился давно разошедшійся съ женой и разсовавшій въ разныя мѣста взрослыхъ дѣтей, одинокій, угрюмый, деревянный старикъ, съ голымъ черепомъ, прикрытымъ рѣзко-очерченнымъ чернымъ парикомъ, словно кругомъ обрѣзаннымъ ножемъ, и съ густо нафабренными усами. Онъ собралъ остатки мебели, зеркала съ трещинами, портреты масляными красками какихъ-то русскихъ маркизъ и маркизовъ временъ Екатерины, а также архіереевъ и архимандритовъ, и этими остатками прежняго величія меблировалъ съ дюжину комнатъ,

[1]) Мелкіе абрикосы.

изъ которыхъ не болѣе пяти, были собственно жилыми, поставилъ въ центральной залѣ единственную оставшуюся отъ родственнаго разгрома четырехсаженную пальму въ кадкѣ; размѣстилъ по саду, поближе къ дому, двѣ-три статуи съ отбитыми руками и носами, брошенными за негодностью, де-Бальманами, и опредѣлилъ старика Онопрія съ его помощникомъ Карпомъ смотрѣть за тѣми фруктовыми деревьями, оранжереями и парниками, поддержка которыхъ не требовала никакихъ денежныхъ расходовъ. Дальняя часть сада, паркъ, пруды и прочія прежнія затѣи были заброшены и запущены. Первая скрипка оркестра и флейта опредѣлены въ лакеи по дому. Вторая скрипка—Яковъ Журавель сдѣланъ личнымъ камердинеромъ Петра Григорьевича и, въ качествѣ такового, вѣчно ходилъ въ синякахъ и пилъ горькую, ибо служилъ ежедневно манекеномъ, на которомъ баринъ пробовалъ крѣпость своихъ длинныхъ черешневыхъ чубуковъ. Остальные музыканты получили тоже болѣе или менѣе полезныя назначенія, отъ которыхъ, впрочемъ, отрывались для музыкальныхъ упражненій раза два,—по случаю выдачи замужъ Петромъ Григорьевичемъ дочери и еще для какого-то торжества.

Жизнь въ мойсеевской усадьбѣ замерла. Какъ паукъ въ центрѣ паутины, засѣлъ Петръ Григорьевичъ въ своихъ двухъ комнатахъ, выходившихъ окнами на въѣздъ въ усадьбу, шедшій отъ церкви сперва по прямой линіи, между двухъ рядовъ осокорей, а затѣмъ подъѣздная дорога огибала, въ видѣ правильнаго кольца, обширный газонъ съ четырьмя клумбами сирени. По одну его сторону, перпендикулярно къ фасаду дома, стояли «людскія» и иныя службы, а по другую—флигель съ принадлежностями, гдѣ жилъ управляющій имѣніемъ изъ разночинцевъ, Михневичъ,—грузный, пузатый человѣкъ съ физіономіей бульдога.

Съ утра садился Петръ Григорьевичъ у одного изъ своихъ оконъ, сосалъ свой длинный чубукъ и поглядывалъ на дворъ. Иногда къ нему подходилъ одинъ изъ его любимыхъ котовъ—черныхъ, громадныхъ и глупыхъ. Тогда дѣдъ тыкалъ кошкѣ въ морду горячею трубкой и хохоталъ, когда обожженный любимецъ фыркалъ и убѣгалъ. Гораздо болѣе постоянное развлеченіе доставлялъ ему, однако, «дурень Овсійко». Это былъ крѣпостной мальчикъ лѣтъ одиннадцати, сирота, считавшійся ни къ чему неспособнымъ по своей придурковатости. Дѣдъ опредѣлилъ его «стеречь» газонъ передъ домомъ, и Овсійко—босой, безъ шапки, въ бѣлой холщевой сорочкѣ и таковыхъ же короткихъ штанахъ, бѣгалъ, какъ сумашедшій, по лужку, съ гикомъ и крикомъ замахиваясь

палкой на воробьевъ, куръ или собакъ, если таковые являлись на газонѣ. Однажды «дурень», въ припадкѣ добросовѣстной ревности, перебилъ ногу забредшему на лугъ пѣтуху Михневича, за что послѣдній его пребольно высѣкъ. Объ этомъ было доложено Петру Григорьевичу—быть можетъ въ надеждѣ, что такъ или иначе добродѣтель Овсійка будетъ вознаграждена, а самъ онъ въ будущемъ—избавленъ отъ повторенія подобныхъ случаевъ. Но дѣдъ нашелъ все происшествіе крайне забавнымъ, много смѣялся и послѣ того съ удвоеннымъ интересомъ наблюдалъ черезъ окно эволюціи Овсійка, все ожидая, не попадетъ ли онъ снова подъ розги.

Четыре раза въ день Петръ Григорьевичъ появлялся въ столовой, къ ѣдѣ. Появлялся безшумно, въ мягкихъ туфляхъ, причемъ казалось, что онъ не самъ идетъ, а двигаетъ однѣми его шаркающими ногами механизмъ, спрятанный въ неподвижномъ, наклоненномъ впередъ туловищѣ съ заложенными за спину руками, подчасъ державшими трубку на длинномъ чубукѣ. За столомъ онъ не разговаривалъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда какое-нибудь кушанье казалось ему недосоленнымъ. Тогда онъ медленно поднималъ голову, подзывалъ лакея и говорилъ своимъ деревяннымъ голосомъ: «скажи Савелію (повару), что недосолъ на столѣ—пересолъ на спинѣ!» Изрѣдка онъ также «шутилъ»: если отъ горячаго, какъ кипятокъ, борща, подернутаго слоемъ жира, не шелъ паръ, дѣдъ, попробовавъ говорилъ: «Чортъ знаетъ что такое! Холодный совсѣмъ! Скажи Савкѣ, что если онъ будетъ подавать холодный борщъ, я его выпорю!»... Случалось, что кто-нибудь изъ непосвященныхъ еще въ дѣдово остроуміе, обманутый замѣчаніемъ Петра Григорьевича, неосторожно глоталъ горячее и обжигалъ ротъ. Это и было нужно: Петръ Григорьевичъ хохоталъ.

Иногда дѣдъ выползалъ изъ своихъ двухъ комнатъ и въ неурочное время. По утрамъ онъ выслушивалъ въ своемъ кабинетѣ доклады Михневича, либо его подручнаго. Но и это все дѣлалось такъ же безшумно, какъ безшумны движенія паука по паутинѣ. Не то, чтобы дѣдъ никогда не кричалъ. Напротивъ, иногда онъ разражался ругательствами, даже съ аккомпаниментомъ чубука. Но стѣны кабинета были толсты, и звуки оттуда почти не проникали.

Какъ это, можетъ быть, ни странно для столь положительнаго человѣка, какъ Петръ Григорьевичъ, но и у него была своя поэзія, свои «чарованья красныхъ вымысловъ». Онъ велъ свой родъ отъ «князей Волховскихъ», которые, согласно ему одному вѣдомымъ свидѣтельствамъ исторіи, нѣкогда княжили на рѣкѣ Волховѣ. Относясь съ полнымъ презрѣ-

ніемъ къ крестьянамъ-украинцамъ, которые его кормили, поили, одѣвали и набивали его шкатулку деньгами, онъ противупоставлялъ ихъ бѣдности и предполагаемой лѣни трудоспособность и зажиточность заводскихъ крестьянъ на Уралѣ, гдѣ онъ нѣкогда былъ жандармомъ.

«Тамъ у каждаго крестьянина въ избѣ вы найдете на окнѣ ананасъ!» — говорилъ онъ съ полной серьезностью.

Молчаливое присутствіе паука трепетно чувствовалось всѣми мойсевскими мухами. Всѣ въ домѣ двигались по паркетнымъ поламъ безшумно, говорили мало и вполголоса; идя по двору, каждый домочадецъ исподтишка косился на барское вниманіе; крестьяне, минуя усадьбу, на такомъ разстояніи, что и лица ихъ невозможно разглядѣть, снимали униженно шапку и несли ее въ рукахъ, пока не скрывались изъ вида. Надо полагать, блескъ и веселье Татьяны Густавовны дорого обходилось мойсевскому крѣпостному горбу. Но смѣнившая ихъ тишь и мертвечина Петра Григорьевича стоила не дешевле. Вся разница была въ томъ, что первая размѣнивала крестьянскіе потъ и кровь на блестки, оркестровую музыку и пестрое общество, а Петръ Григорьевичъ пряталъ всѣ выжатые соки въ крѣпкую, стоявшую въ его спальнѣ, шкатулку съ секретнымъ замкомъ, которую, какъ гласила легенда, ходившая между его сыновьями, (а моими дядями), онъ по ночамъ открывалъ, чтобы полюбоваться блескомъ золота и насладиться музыкальнымъ шелестомъ ассигнацій.

Вотъ въ эту-то усадьбу мать была приглашена Петромъ Григорьевичемъ—вести его домашнее хозяйство, и изъ свѣтлаго, привѣтливаго новоградъ-волынскаго приволья мы переселились въ паучье гнѣздо. Съ перваго же дня нашего тамъ поселенія обоихъ насъ охватила мойсевская атмосфера придавленнаго шопота, опасливыхъ движеній и неопредѣленнаго, безотчетнаго, но мучительнаго ожиданія бѣды.

ВОЗМУЩЕНІЕ.

У управляющаго Михневича былъ сынишка, такой же круглый, такой же туго-сбитый, какъ и его отецъ, и съ такой же бульдожьей физіономіей, отличавшійся отъ оригинала, кромѣ значительно урѣзанныхъ размѣровъ, и еще тѣми чертами незаконченности и незрѣлости, какимъ щенокъ отличается отъ взрослаго пса.

Будучи моложе Миши Михневича, взросши подъ всеукрывающимъ крыломъ матери, вѣчно трепетавшей за единственнаго оставшагося ей ребенка, я мало водилъ компанію съ

этимъ положительнымъ молодымъ человѣкомъ приготовительнаго класса, который, при первомъ же знакомствѣ не безъ гордости сообщилъ мнѣ: «знаете, папаша меня уже высѣкъ!» Но все же онъ иногда заходилъ «въ домъ», и мы вмѣстѣ бѣгали по саду и играли. Такъ и въ то достопамятное для меня жаркое послѣобѣда Миша пригласилъ меня посмотрѣть маленькихъ щенятъ, гнѣздившихся вмѣстѣ со своею матерью въ сарайчикѣ во дворѣ управителя. Мы побѣжали. Но проходя мимо управительской конюшни, мы шаги свои замедлили, и до меня долетѣлъ дрожавшій отъ слезъ голосъ, жалобно взывавшій:

«Ой, Боже-жъ мій! Ой, паночку, простить! Ей-же Богу не буду! Отъ-же зроблю, же зроблю! Простить!».

«Лягай! Лягай!», кричалъ другой, грубый голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Михневича.

Точно кто ухватилъ меня желѣзными клещами за сердце.. Все мое семилѣтнее существо сжалось, съежилось, почувствовало что-то страшное... Я остановился.

«Это Прокопа Мутузка будутъ наказывать!» — прошепталъ мнѣ на ухо Миша дѣловитымъ тономъ.

«За что?» — спросилъ я мертвѣющими губами.

«Урока не сдѣлалъ!» — отвѣчалъ мой спутникъ.

Въ это время жалобы и просьбы Прокопа приняли уже характеръ невнятнаго бормотанія и плача, послышалась за стѣной возня, затѣмъ свистъ кнута въ воздухѣ, дикій крикъ и стонъ.

Не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, я припалъ къ щели въ досчатой стѣнѣ. Мнѣ представилась слѣдующая картина. Прокопъ лежалъ ничкомъ на землѣ со спущенными штанами и завернутой на голову сорочкой. На голову его навалился одинъ «десятскій», на ногахъ сидѣлъ верхомъ другой, а ременная «хліборобская» «пуга» (кнутъ) поднималась и опускалась, оставляя на оголенной спинѣ темнокрасные рубцы...

Съ дикимъ, рѣжущимъ визгомъ, ничего не разбирая, ни о чемъ не думая, захлебываясь слезами, кинулся я прочь, по направленію къ дому... Каждая жилка дрожала во мнѣ, каждый нервъ кричалъ отъ боли, и обиды, и стыда... Я въ первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ сѣкли человѣка!

Пулей пролетѣлъ я черезъ садъ... Вотъ и дверь, ведущая прямо въ центральный залъ... Дверь была велика, а я былъ малъ... Наконецъ, я совладалъ съ нею и очутился въ безконечной, безотрадной пустынѣ зала съ его холодными свѣтовыми отблесками на паркетномъ полу, со стоявшими вдоль стѣнъ стульями и одинокой пальмой въ углу. По направле-

нію къ противоположной двери медленно и безшумно двигалась деревянная фигура Петра Григорьевича...

Мнѣ было всего семь лѣтъ. Смыслъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ отношеній былъ еще скрытъ отъ меня. Мать всегда говорила мнѣ о дядѣ, какъ о чемъ-то священномъ, именно потому, что онъ былъ мой «дѣдушка». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она внушала мнѣ (и подкрѣпляла свои слова собственнымъ поведеніемъ), что нужно быть добрымъ къ людямъ, такъ какъ всѣ люди — братья, что нужно уважать въ другомъ человѣка, и пріучила меня смотрѣть на всякое тѣлесное наказаніе (которое никогда ко мнѣ не примѣнялось), какъ на позоръ. И вотъ, въ этотъ моментъ крайняго возбужденія и напряженія всѣхъ внутреннихъ силъ я дѣтскимъ инстинктомъ почувствовалъ существованіе причинной связи между двигавшейся передо мною деревянной фигурой и постыднымъ дѣломъ, котораго я только что былъ свидѣтелемъ... Съ горящими глазами и сжатыми, поднятыми вверхъ кулаками побѣжалъ я за Петромъ Григорьевичемъ и ударилъ его, что было силъ, въ поясницу (выше роста не хватило).

Таково было первое революціонное дѣло въ моей жизни.

Конечно, я былъ сурово наказанъ, и не потому только, что того требовалъ Петръ Григорьевичъ. Мать искренно ужаснулась моему поступку и постаралась дать мнѣ вполнѣ почувствовать совершенный мною грѣхъ: я «поднялъ руку на родного дѣда!». И я чувствовалъ себя страшнымъ грѣшникомъ. При всемъ томъ та, другая сторона этого случая, въ которой выразилось естественное возмущеніе человѣческой души противъ угнетенія и униженія человѣка, не только не была ослаблена, но осталась господствующею въ моемъ сердцѣ. Я никогда не могъ забыть этого случая, и онъ, несомнѣнно, имѣлъ рѣшающее вліяніе на складъ всей послѣдующей моей жизни.

Феликсъ Волховской.